

Марта Лукашевич

Приходское Рождественское братство в Санкт-Петербурге (1863–1871)

В наше время, как это все чаще и чаще слышится в церковно-общественной периодике, одной из самых актуальных церковных проблем является вопрос мирянского движения. На мирянской инициативе и участии в управлении церковью строятся протестантские приходы-собрания. Снятие жесткой оппозиции между клиром и мирянами было одним из первоначальных требований Лютера и в дальнейшем составило основу устройства протестантских церквей. Недавно закончившийся XX век был свидетелем возрождения участия мирян в жизни католической и православной церквей, осознания народом Божиим своего достоинства и ответственности за церковь. В католической церкви еще до II Ватиканского собора стали возникать христианские содружества мирян (такие, как братство Шарля Фуко или Фоколари), позже этот процесс усилился, получив в соборных постановлениях поддержку церкви и прямое поощрение этой деятельности.

Со своей стороны православные богословы — прежде всего о. Александр Шмеман и о. Николай Афанасьев, а до них еще и Н.П. Аксаков¹ — в своих трудах стремились преодолеть многовековое искажение церковного сознания: клерикализм, разделение на пастырей и пасомых, на церковь учащую и научаемую. Плоды их работы заметны в практике многих православных приходов Западной Европы и Америки. В России, к сожалению, мирянское движение развито пока достаточно слабо, но понимание необходимости его совершенствования присутствует в сознании какой-то части верных и, конечно, есть конкретные примеры деятельности таких

1. Аксаков Н.П. Духа не угашайте! М., 2000.

движений, называемых обычно, согласно православной традиции, братствами. В первую очередь мы здесь имеем в виду Сретенско-Преображенское содружество малых братств, но есть и другие российские православные братства и мирянские организации.

Цель данной статьи — представить опыт братской жизни в России второй половины XIX в., а также познакомить с деятельностью Рождественского приходского братства, основанного в 1863 г. петербургским священником Александром Гумилевским. В статье кратко представлена история создания и деятельности братства на фоне политических и церковных событий того времени. Более внимательно рассматривается братский опыт работы с нищими детьми, как самый острый и болезненный, на наш взгляд, вопрос настоящего времени в России.

Современных монографий, посвященных жизни и деятельности о. Александра Гумилевского, не существует. Сведения о нем мы почерпнули из опубликованного через два года после смерти о. Александра биографического очерка Скроботова «Приходский священник Александр Гумилевский»; информация об устройстве и работе братства взята из «Летописи Приходского Рождественского Братства в Санкт-Петербурге», которая велась самим о. Александром и печаталась в журнале «Дух христианина». Исторический контекст и вопрос возрождения деятельности братств описаны по книге А. Папкова «Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя» и по монографии С.В. Римского «Российская церковь в эпоху великих реформ». Дополнительные сведения взяты из нескольких номеров «Киевских епархиальных ведомостей» за 1862 г.

Оживление общественной и церковной жизни на рубеже 1850–1860-х годов в России

Как хорошо известно, начало царствования Александра II это период особого оживления русского общества, время брожения умов, появления надежд на реформы и серьезные изменения в государстве и обществе². Смена политического курса и отмена цензуры дали толчок к обсуждению в периодике многочисленных наболев-

2. Отец Георгий Флоровский в своей работе «Пути русского богословия» приводит замечательную подборку цитат из высказываний современников. Шелгунов: «То был чад молодости, который зовется любовью»; Гиляров-Платонов: «То было состояние влюбленных перед свадьбою»; Страхов: «воздушная

революция»; Стасов: «Метались, словно в любовном чаду»; Леонтьев: «Это, действительно, был какой-то рассвет, какая-то умственная весна. Это был порыв, ничем не удержимый» (Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 285).

ших проблем и к попыткам разрешить их на деле. Появляются новые журналы, в том числе огромный массив церковной периодики³. Естественно, общественное пробуждение не обошло стороной и духовного сословия. Конец 50-х — начало 60-х годов это период оживленного обсуждения в печати вопроса о положении духовенства, необходимости улучшения его нравственного уровня и материальной ситуации. После выхода в свет в 1858 г. анонимно изданной за границей брошюры сельского священника Иоанна Беллюстина «Описание сельского духовенства» (в которой положение русского белого священства было представлено в очень мрачных красках) обсуждение превращается в бурную дискуссию. Духовное сословие, до сих пор забытое и забытое всеми, внезапно оказывается в центре внимания не только общества, но и высших чиновников, и даже самого царя. Наряду с крестьянской, городской, судебной и другими реформами создается также проект церковных реформ, которые будут проводиться на протяжении 60-х и 70-х годов, главным образом министром внутренних дел П.А. Валуевым и обер-прокурором Священного Синода Д.А. Толстым.

Как начало реформ, так и появление общественного интереса к проблемам духовного сословия повлияли стимулирующим образом на само духовенство. 60-е годы — это период оживления пастырской деятельности приходских священников, их заботы о духовном и материальном благополучии прихожан. Многие настоятели стремятся к тому, чтобы быть не только требоисправителями, но и проповедниками, они организуют беседы с паствой, воскресные школы для детей, занимаются начальным обучением в церковно-приходских школах, устраивают больницы, приюты, попечительные советы о бедных и братства.

Попытки возрождения церковных братств

Идея возрождения братств имеет по крайней мере два истока: во-первых, это интерес к истории церкви и стремление найти в прошлом те образцы и основы, на которых можно строить современ-

3. К существующим соответственно с 1821 и 1837 годов «Христианскому чтению» и «Воскресному чтению» присоединяются: в 1855 г. — «Православный собеседник» (Казань); в 1860 г. — «Православное обозрение», «Душеполезное чтение» (Москва), «Странник» (Санкт-Петербург), «Руководство для сельских пастырей», «Труды Киевской духовной академии»

(Киев), а также первые «Епархиальные ведомости» (Одесса); в 1861 г. — «Дух христианина» (Петербург); в 1862 г. — «Духовный вестник» (Харьков).

ную приходскую жизнь, делая ее более глубокой и полной. Уже в 1857 г. в Петербурге вышла брошюра священника Иоанна Флерова «О православных церковных братствах, противоборствующих унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях». В ноябре 1861 г. в третьем номере журнала «Дух христианина» свящ. Александр Гумилевский предложил создать в Петербурге братство для поддержания народных школ. Поскольку на его призыв откликнулись многие, с января 1862 г. он стал вести в журнале «Летопись предполагаемого братства», где писал, в основном, об истории и современном состоянии церковных братств, а также перечислял жертвователей и расходы.

1862 год стал решающим в вопросе возрождения братств. Большая заслуга в этом принадлежит профессору Санкт-Петербургской духовной академии М.О. Кояловичу, который в начале года прочитал цикл лекций о древних церковных братствах, а потом отправился в путешествие по западному краю с целью обнаружения остатков братств. Результаты своих исследований он опубликовал в журнале «День»⁴: в гродненской, виленской, минской и могилевской губерниях было обнаружено 276 братств при местных церквях! В том же журнале в 1863 году⁵ было помещено приглашение Кояловича записываться в члены западных братств, на которое откликнулись многие священники и миряне (например, о. А. Ключарев, о. А. Гумилевский, И.С. Аксаков); в Москве даже появился отдел Фастовского братства (белостокский уезд).

Одновременно процесс возрождения братств происходил в Киевской епархии, однако там он имел еще и церковно-политический смысл. Его инициатором был киевский митрополит Арсений (Москвин), обеспокоенный государственными проектами создания церковных советов, которые подчинялись бы не епархиальным властям, а волостной расправе. Братства должны были подменить эти советы, и таким образом избавить церковь от очередного вмешательства власти⁶. По благословению митрополита и при его личном участии в епархии началось возрождение братств, которому предшествовала большая статья Феофана

4. Коялович М.О. Сведения о современном состоянии западно-русских православных братств // День. 1862. № 44–45.

5. День. 1863. № 46.

6. Вот как писал об этом сам митр. Арсений архиепископу Костромскому Платону в письме от 30.3.1863: «По моему мнению, уж лучше братства, в

которых священники были бы председателями, нежели немецко-лютеранские советы, в которых священнику предоставляется только голос совещательный, а все прочее должно зависеть от выбора или каприза общины». Письма митрополита Киевского Арсения к архиепископу Костромскому Платону // Русский архив. 1892. № 2. С. 212.

Лебединцева⁷, освящающая историю возникновения и деятельности древних братств и заканчивающаяся несколькими соображениями о целесообразности учреждения братств в нынешнее время. Вслед за ней последовал «Проект устава для сельских братств»⁸, на основе которого и начали возрождаться братства. Первым из них было, согласно Папкову, братство в Райгороде (октябрь 1862); за ним последовали Черниговское, Владимирское в Киеве, Минское (лето 1863), Успенское Богородицкое в г. Люцине (июль 1863), Западно-русское в Вильнюсе и другие братства.

Число братств увеличивалось, однако закона о них не существовало; 16 марта 1863 г. канцелярия представила Главному Присутствию доклад «Об учреждении приходских советов и об устройстве домов для причтов», в котором отмечалась ограниченность круга деятельности братств, в том числе территориальная (западные и юго-западные епархии). После длительного обсуждения 2 августа 1864 г. было утверждено «Положение о приходских попечительствах при православных церквах»; вопрос о братствах рассматривался параллельно, и в результате их законная деятельность оказалась очень скромной. Согласно утвержденным 6 апреля 1864 г. правилам о братствах, их занятия состояли в служении церкви, украшении храмов, благотворительности и распространении духовного просвещения. Выход за эти рамки автоматически приводил к ликвидации братства⁹. Более того, для открытия братства необходимо было составить его устав и получить благословение архиерея, который, в свою очередь, должен был сначала согласовать его с гражданским губернатором. К тому же существование братств ограничивалось западными губерниями, что было окончательно закреплено законом от 8 мая 1865 г. Когда в 1865 г. известные в высшем свете лица хотели открыть братство при Исаакиевском соборе, министр внутренних дел и шеф Третьего отделения воспротивились.

Тем не менее, за период с 1864 по 1880 годы было основано 63 братства. Многие из них возникли при участии благотворителей из Петербурга и Москвы, а восемь самых значительных получали даже государственные дотации. К сожалению, многие из них служили, главным образом, политическим целям — русификации Западного края; они были, в основном, малочисленны и внесли

7. Лебединцев Ф. Братства // Киевские епархиальные ведомости. 1862. № 8–10.

8. Киевские епархиальные ведомости. № 17. С. 571–582.

9. Такие обострения связаны с усилившимся после польского восстания 1863 г. подозрительным отношением властей ко всякого рода организациям.

небольшой вклад в повышение авторитета духовенства и его сближение с народом. Также и появившиеся с течением времени великороссийские братства имели слишком ограниченные возможности, чтобы оставить сколько-нибудь заметный след в оживлении церковной жизни. Их деятельность ограничивалась обычно одним приходом и была скована жестким законодательством.

История создания и деятельности приходского Рождественского братства

УЧРЕДИТЕЛЬ БРАТСТВА СВЯЩ. АЛЕКСАНДР ГУМИЛЕВСКИЙ

Александр Васильевич Гумилевский родился 13 августа 1830 г. в селе Рождествено Царскосельского уезда в семье бедного дьякона. Осиротев в 8 лет, вместе с двумя сестрами был взят на воспитание дядей Е. Соколовым, дьяконом из Петербурга. Учился в Невской и Петропавловской бурсах, Санкт-Петербургской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, которую закончил в 1855 г. В течение года работал в качестве наставника словесности и библиологии в семинарии, был членом комитета для составления исторического и статистического описания Санкт-Петербургской епархии. После вступления в брак он был рукоположен и 26 мая 1856 г. назначен третьим священником петербургской Рождественской церкви, что на Песках.

Главным служением о. Александра было на первых порах преподавание Закона Божьего в воскресных школах, приютах, а также в великосветских домах. В песковском приходе он открыл воскресную школу не только для детей, но и для взрослых, где была возможность обучаться Закону Божьему, церковному пению, грамоте и арифметике. Из учеников школы был создан приходской хор.

Одновременно с 1860 г. о. Александр осуществлял духовное попечительство в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, стараясь внести в ее жизнь подлинное религиозно-нравственное направление. Согласно составленному им проекту устава, Крестовоздвиженская община должна была стать общиной православных дьяконисс, служащих Христу делами милосердия. Он предполагал даже восстановление чина дьяконисс. Однако его проект не был принят, начались расхождения и конфликты с некоторыми сестрами, видящими в своей работе гражданскую

службу женщины, а не дело христианской любви. В результате в 1862 г. отец Александр оставил попечительство Крестовоздвиженской общины.

Нужно упомянуть еще и о литературной и публицистической деятельности о. Александра. С 1860 г. он сотрудничал с журналом «Странник», где печатались его проповеди, заметки, рассказы. С сентября 1861 г. вместе с тремя петербургскими священниками — Дмитрием Флоринским, Иоанном Заркевичем и Иоанном Флеровым — о. Александр стал выпускать журнал «Дух христианина», в котором вел отдел «Смесь». Именно здесь он впервые выдвинул идею создания Петербургского братства для поддержания народных школ и сам вел «Летопись предполагаемого братства», в которой не только сообщал о новых нуждах и пожертвованиях, но и знакомил общество с историей братств и их положением в западных губерниях. Однако несмотря на достаточно большой интерес и сочувствие к братству, оно так и осталось «предполагаемым». Осознав, что для создания братства на основе Христовой любви недостаточно одного журнального заявления о нем, о. Александр решил ограничить братское дело песковским приходом, который находился на окраинах Петербурга, в одном из беднейших уголков города. Там уже понемногу развивалось дело христианского милосердия: сам о. Александр вел воскресную школу, открыл библиотеку, помогал нищим (особенно детям) и молодым проституткам, которых направлял в исправительные приюты, а потом на места для работы в хорошие дома. В служении бедным и больным он скоро обрел двух помощниц: вдову Параскеву Краюхину и девушку Софию. Главным стимулом деятельности о. Александра, согласно Скроботову, было ощущение себя «живым членом христианской общины»¹⁰, который обязан заботиться о своих бедных братьях и сестрах. Предложив в марте 1862 г. в «Духе христианина» создание приходского попечительного совета о бедных (по примеру московского священника Александра Ключарева), Гумилевский в то же время подчеркнул, что для осуществления такого замысла приходу нужно быть общиной, связанной любовью ко Христу и друг к другу. Несколько позже в проповеди на праздник Рождества Богородицы 8 сентября 1863 г. отец Александр говорил:

10. [Скроботов]. Приходский священник Александр Васильевич Гумилевский. Подробный биографический очерк. СПб., 1871. С. 247.

Приход православный только тогда будет истинно православным христианским приходом, когда, проникшись чувством общей христианской любви, составит из себя единое во Христе братство, в котором священно-церковно-служители приходские сольются с прихожанами в делах любви христианской, в заботах о храме, в благотворении бедным, больным, престарелым, малолетним, нищим, узникам¹¹.

Забота о маленьких нищих побудила о. Александра написать брошюру «Житие преподобного Алексея человека Божия», в конце которой он поместил призыв создать братство и устроить приют для детей. Брошюра поступила в продажу Великим постом 1863 г. с обозначением, что она издана в пользу Рождественского братства. Мысль о братстве была с воодушевлением принята прихожанами, а нищие дети с нетерпением ждали обещанного приюта.

Создавая Рождественское братство, о. Александр Гумилевский твердо решил положить в его основу не организационную форму или устав, а братский дух и Христову любовь. Он писал в «Духе христианина»:

Братство, по моему мнению <...> должно быть живым христианским союзом православных людей, согретых христианскою любовью ко всем нуждающимся братьям во Христе. Где нет любви, там никогда не может быть и братства¹².

Главную задачу братства о. Александр видел в помощи бедным и больным братьям, о которых старшие должны печься с такой любовью, как пеклись бы о самом Христе. Жизненную силу братства он усматривал в самом народе, который делает добро ради Христа и охотно подает милостыню, но хочет знать, на что идут жертвуемые деньги, и поэтому недоверчиво относится ко всякого рода благотворительным обществам. Чтобы направить руки народа на дело общественного добра, о. Александр предлагал восстановить обычай братских обедов, известных в братствах XVII и XVIII вв., которые он возводил к вечерам любви — агапам первых христиан. В таких обедах, по его мнению, основа прочности всех братских учреждений, и поэтому с них надо начинать братское дело¹³. Так и

11. Там же. С. 254.

12. Дух христианина. 1865. № 3. Отд. III. С. 247 (цит. по: [Скроботов]. Ук. соч. С. 243).

13. Впоследствии в журнале «Дух христианина» было опубликовано исследование Д.Ф. Прилуцкого «Христианские вечера любви» (Дух христианина. 1865. № 3. Отд. I. С. 125–137; № 4. Отд. I. С. 185–214).

случилось. После Пасхи один из прихожан, Е.М. Скворцев, пожертвовал 200 рублей на приют. Отец Александр нанял отдельную квартиру неподалеку от храма, получил благословение митр. Исидора, и после молебна в Фомино воскресенье 7 апреля 1863 г. обедом для нищих был открыт братский приют.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИХОДСКОГО РОЖДЕСТВЕНСКОГО БРАТСТВА

Уже через неделю после открытия начались занятия в братском приюте. Там же были созданы богадельня и больница. Источником средств на их содержание и на оплату труда тех преподавателей, которые не могли себе позволить безвозмездную работу, были почти исключительно пожертвования прихожан. Большинство из них записались в братство, обязуясь тем самым вносить ежегодный братский рубль, почти все вносили посильную лепту, многие жертвовали больше.

Практически с самого начала существования братства о. Александр стал готовить его устав, чтобы можно было получить официальный статус. Он был готов к 15 сентября 1863 г., а к 1 октября под ним собрали уже много подписей, и он был отдан для утверждения митрополиту. Устав определял целью братства заботу о благолепии храма и о бедных прихожанах. Членами братства могли становиться все православные христиане, получившие «письменное ручательство своего духовного отца и двух братьев о незазорности жизни своей»¹⁴ и согласные ежегодно платить взнос не менее одного рубля. Братья и сестры обязывались жить в мире друг с другом, «не считаться между собой внешними преимуществами, заботиться о приумножении вещественных средств братства, неуклонно посещать братские собрания и добросовестно исполнять все правила и поручения братства»¹⁵. Делами братства должен был заведовать братский совет (в который входили ежегодно выбираемые братья и сестры, отвечающие за братские заведения) под председательством учредителя братства или его преемника, собирающийся вечером в первое воскресенье месяца; а также общее братское собрание 1 сентября каждого года, на котором читался бы годовой отчет и выбирались члены совета. Единственными привилегиями членов братства были религиозные преимущества, освященные уставами

14. [Скроботов]. Ук. соч. С. 255.

15. Там же. С. 256.

древних братств: внесение их имен в братские задравные и заупокойные списки и разрешение стоять в церкви с особыми братскими свечами в руках.

Сначала утверждение устава пошло быстро, но потом началась бюрократическая волокита, устав курсировал между министром внутренних дел и обер-прокурором, и в конце концов его след был потерян. Это осложняло деятельность братства, которое не могло защищать свои интересы в столкновениях с беззаконием и недоброжелательством¹⁶, но прежде всего — лишало о. Александра организационной помощи братчиков. Отсутствие устава не давало возможности собирать регулярные братские собрания-советы, и в результате большинство забот падало на о. Александра Гумилевского.

Однако, несмотря на все трудности, Рождественское братство возрастало и укреплялось. Практически с самого начала было учреждено несколько заведений: больница на пять кроватей, богадельня с двумя отделениями (для престарелых женщин и для мужчин и женщин, имеющих еще привычку к нищенству), приюты для мальчиков и девочек, рукодельные приюты для мальчиков и девочек (в другом доме), религиозно-нравственная библиотека, братский хор и братские обеды для нищих (по воскресным и праздничным дням для всех призреваемых бедных — около 100 человек, а в будни — для 82 живущих в приюте). Преподаватели в приютах работали в основном за плату или за квартиру и стол; в больнице же безвозмездно служили врачи В.И. Гегенботом и А.Е. Лейченко, а также девочки из приюта и сестры, составляющие общину по примеру древних православных дьяконисс¹⁷. Хозяйственные заботы взял на себя купец Ф.В. Кудрявцев, исполняющий обязанности братского эконома.

Несмотря на отсутствие утвержденного устава, к Рождественскому братству многие представители власти относились благосклонно. В 1863 и 1864 гг. оно получило пожертвования в 150 рублей от императорских детей, в день годовщины приюта в

16. Идея братства была для многих непонятна, на него смотрели как на опасное тайное общество, не обошлось и без зависти, особенно со стороны старших священников, а также сплетен. Например, ходила молва, что священник Гумилевский «открыл на Песках харчевню, в которой жена его угощает супом всякую уличную дрянью». [Скроботов]. Ук. соч. С. 267.

17. Старшей в этой общине была Параскева Краюхина; в общине было порядка семи человек — вдов и девиц, — которые ухаживали за больными в больни-

це и на дому, помогали в обучении детей, посещали узников. Состав общины не был постоянным, на места выбывавших по семейным обстоятельствам приходили новые сестры. Они жили в приюте, но было также несколько помощниц, приходящих из своих домов. Нужно особо отметить жертвенность сестер, ухаживающих за больными во время эпидемии тифа; одна из них, дочь надворного советника Александра Ивановна Филиппова, поплатилась за свое служение собственной жизнью.

песковском храме совершалось архиерейское богослужение с участием епископа Ревельского Герасима, его посещал также митр. Исидор. Отец Александр был знаком с многими представителями высшего света, помогал советом другим церквям, где устраивались благотворительные общества, например, острожскому Кирилло-Мефодиевскому братству, учрежденному графиней А.Д. Блудовой. Однако все эти связи не помогли ему, — в ноябре 1865 г. устав Рождественского братства получил отказ министерства внутренних дел, а вскоре пострадал также и его учредитель.

Поводом послужили неосторожные слова о. Александра, сказанные им перед благодарственным молебном за спасение жизни царя от руки Каракозова 4 апреля 1866 г. Под впечатлением от слов народа, что покусившийся был помещиком и что императора спас простой крестьянин, о. Александр сказал взволнованную речь, в которой связал эти факты с недовольством дворян отменной крепостного права. Нашлись недоброжелатели, которые тут же донесли, что иерей Александр Гумилевский призывал народ защищать царя от помещиков. Нашелся также священник, спустя месяц «дословно» процитировавший «крамольную речь» о. Александра. Несмотря на то, что остальные свидетели сообщали другое содержание этой речи, 18 мая 1866 г. о. Александр Гумилевский был переведен на вакансию в Нарву.

В его отсутствие делами братства занимались главным образом два других песковских священника — члена братства: о. В. Маслов и о. Кедров. Отец Александр получал от них отчеты, решал некоторые вопросы, но его отсутствие было заметно, начались взаимные подозрения членов совета и брожение среди жителей приюта. С зимы 1867 г. жители приюта взяли на себя подвиг совместной молитвы об о. Александре, а его духовные чада стали ходатайствовать о его возвращении. В октябре 1867 г. он был переведен обратно в Петербург, в церковь при Обуховской женской больнице, где прослужил до 1869 г., одновременно по мере сил участвуя в делах Рождественского братства. 20 мая 1869 г. отец Александр Гумилевский в возрасте 38 лет скончался от тифа, которым заразился в больнице. На отпевание и похороны собралось множество людей, сохранивших о нем светлую память. Братское дело продолжалось под председательством свящ. В. Маслова; в 1871 г. оно занимало, по словам Скроботова, первое место среди приходских благотворительных учреждений Петербурга. К сожалению, нам не удалось найти информации о его дальнейшей судьбе.

РАБОТА С НИЩИМИ ДЕТЬМИ

Главные усилия о. Александра были направлены на работу с нищими детьми, которым прежде всего требовались нравственное и духовное воспитание. Сострадание к маленьким нищим, собирающимся на паперти храма, и возмущение степенью их развращенности уже в самом юном возрасте были главными факторами, которые подвигли о. Александра Гумилевского создать приют и приходское братство. В приюте обучали грамоте и письму, но акцент был сделан не на обучении, а именно на воспитании посредством храмового богослужения, знакомства с Евангелием, душеполезного чтения, труда. Дети жили в атмосфере братской любви к бедным и больным, и это были для них не абстрактные понятия, а конкретные дела милосердия. Таким образом закладывались основы для дальнейшей самостоятельной жизни воспитанников.

Некоторые дети жили в приюте, но большинство приходили на занятия из своих квартир. Существовали четыре «подразделения»: братские приюты для мальчиков и для девочек (отдельно) и рукодельные приюты для мальчиков и девочек.

В приюте для мальчиков Закону Божьему, чтению, письму, арифметике и церковному пению обучалось 30 человек из крестьян, мещан, солдат, мастеровых и бедных чиновников. Первоначально занятия вели сестры братства, но дети оказались непослушными и потребовалась мужская рука. Учителя несколько раз менялись, но в конце концов нашелся постоянный преподаватель — выпускник Санкт-Петербургской духовной академии В.Я. Василевский.

В приюте для девочек были как живущие в нем, так и приходящие с квартир (20–30 человек). Их ситуация была в нравственном плане сложнее, чем мальчиков, так как даже самые маленькие девочки в возрасте 8–9 лет были знакомы с развратом. Поэтому главные усилия были направлены не на обучение (хотя и им преподавались Закон Божий, чтение, письмо и арифметика), а на воспитание. Служащие в приюте сестры А.А. Кулакова и А.М. Штурм учили девочек молиться и петь, читали им наставления из Евангелия и житий; много внимания уделялось также участию в богослужениях и их объяснению. Однако самое большое значение имел дух братской любви и служения бедным. Дети не только слушали наставления о любви к Богу и ближнему, но имели возможность проявить ее на деле: наградой за поведение

был допуск к служению больным, причем предоставлялась самостоятельность в выражении любви. Это имело прекрасный эффект – в детях пробудились доброта, любовь, жертвенность, сострадание, они оказались способными поделиться с другими своей одеждой или самоотверженно ухаживать за заболевшей подружкой. Когда одна из приютских девочек заболела и умерла, остальные дети упростили о. Александра разрешить им читать по ней Псалтирь и своим хором участвовать в отпевании. Дети научились вести себя в храме, некоторые исполняли разного рода мелкие послушания, многие перестали нищенствовать. Трех девочек удалось о. Александру устроить в хорошие семьи на воспитание. Можно смело сказать, что благодаря его заботам не одна из воспитанниц приюта избежала страшного пути в дом терпимости.

Рукодельные приюты для старших детей помещались в отдельных квартирах. В приюте для мальчиков училось 12 человек, из них девять жили в нем, а трое приходили с квартир. Детей обучали коробочному и переплетному ремеслам, их изделия продавались (существовала договоренность с фабрикой табачных изделий, для которой рукодельный приют поставлял коробки), так что, например, в 1863 г. содержание приюта окупилось почти наполовину. Мальчики жили по довольно жесткому расписанию¹⁸, обязательно посещали уроки Закона Божьего (а малограмотные – еще и другие занятия), ходили в храм на всенощное бдение и литургию по воскресным и праздничным дням. Приют имел не только практическую цель — обучить детей ремеслу и дать им, таким образом, возможность честно зарабатывать деньги. Очень важна была также и воспитательная функция. Поэтому о. Александр с огорчением писал в «Летописи братства» о том, что двое из мальчиков по требованию родителей ушли из приюта до окончания срока исправления, чтобы начать работу в мастерских.

В рукодельном приюте для девочек воспитывалось 14 человек. Они учились шить белье, кофты, чепчики, манишки и платья; два дня в неделю они занимались вместе с девочками главного приюта. Приют также снабжал работами бедных прихожанок. Общими усилиями они обшивали большую часть братских заведений.

18. Подъем в 6 утра летом и в 7 зимой, полчаса на одевание, молитву и кофе; потом до 9 – занятия рукоделием. В 9 часов завтрак и занятия. В 12 обед, время на прогулку и игры; с 13.30 до 16 – опять занятия. В 16 чай и занятия до 21 часа. В 21.30 ужин,

общая молитва и отбой. В субботу и накануне праздников занятия заканчивались в 18 часов, после чего мальчики отправлялись в храм на службу, а потом – в баню.

Главной проблемой рукодельных приютов были преподаватели. В приюте для мальчиков за два года пришлось переменить троих мастеров, пока, наконец, не остановились на глухонемом Данииле Чирикове. Приютом для девочек стала заниматься сестра М.Х. Ларина после того, как предыдущая руководительница присвоила себе часть выручки за проданные изделия. Приютам удалось сделать невероятно много: детям не только оказывали помощь, дарили заботу и любовь, они получали еще и возможность обеспечить себе в будущем честный заработок. В условиях резких социальных перемен, характерных для царствования Александра II, это имело огромное значение.

Возрождение братств в середине XIX века стало одним из проявлений углубления и оживления приходской жизни. Это был также способ противостоять вмешательству государства во внутренние дела церкви. Однако попытка возрождения братств не принесла заметных плодов по нескольким причинам: братства были малочисленны, имели местный характер, действовали главным образом на западе и юго-западе Российской империи, поэтому не смогли оживить церковную жизнь в целом. Немаловажную роль сыграли также государственные ограничения их деятельности. Нельзя, однако, недооценивать роль отдельных приходских братств, которые заботились о храме, распространяли духовное просвещение, помогали бедным и больным. Последнее было крайне необходимо в послереформенное время, когда перемены в обществе негативно сказывались на малоимущих слоях населения.

Конечно, в нынешней экономической и общественной ситуации невозможно повторение того, что делалось больше ста лет назад. Но мы полагаем, что опыт приходского благотворительного Рождественского братства, основанного свящ. Александром Гумилевским, очень важен для наших современников как пример поразительного влияния деятельной любви на духовное возрождение ребенка, жизнь и психика которого исковерканы. Несомненно, педагоги хорошо знают о значении сострадания и помощи страждущим в деле воспитания, но это не умаляет ценности всех живых свидетельств, которые напоминают нам об этом. Слава Богу за то, что были, есть и будут люди, которые, как о. Александр Гумилевский, все свои силы отдают для того, чтобы облегчить боль и страдание людей вокруг себя.

Литература

1. Аксаков Н.П. Духа не угашайте! М., 2000.
2. Гумилевский Александр, свящ. Летописи Приходского Рождественского Братства в С.-Петербурге // Дух христианина. 1863–1865 гг.
3. Коялович М.О. Сведения о современном состоянии западно-русских православных братств // День. 1862. № 44–45.
4. Лебединцев Ф. Братства // Киевские епархиальные ведомости. 1862. № 8–10.
5. Папков А.А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб, 1902.
6. Письма митрополита Киевского Арсения к архиепископу Костромскому Платону // Русский архив. 1892. № 2.
7. Прилуцкий Д.Ф. Христианские вечера любви // Дух христианина. 1865. № 3. Отд. 1. С. 125–137; № 4. Отд. 1. С. 185–214.
8. Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999.
9. [Скроботов]. Приходский священник Александр Васильевич Гумилевский: Подробный биографический очерк. СПб., 1871.
10. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1988.